

—  
Цюй Лянь с каменным лицом бережно перенес «уголек» в машину и механически повел её домой. Его мозг словно заржавел, полностью утратив способность мыслить.

«Уголек» смиренно лежал на пассажирском сиденье, пачкая сажей кожаную обивку кресла. Когда они проезжали мимо большого супермаркета, «уголек» внезапно издал резкий, прерывистый звон: «Цзэнь-цзэнь!»

Цюй Лянь помнил, что, когда он только подобрал его, голос меча был едва слышным, будто каждый звук давался ему с огромным трудом. Но сейчас звон был требовательным и частым — должно быть, это стоило ему больших усилий. Он припарковался и, чувствуя, как раскалывается голова, спросил «уголек»: «Что случилось?»

«Уголек» изо всех сил дернулся несколько раз, разворачиваясь в определенную сторону. Цюй Лянь проследил за направлением и, увидев огромный супермаркет, с застывшим выражением лица спросил: «Тебе нужно в магазин?!»

Он всё еще не мог поставить знак равенства между этим обгоревшим куском металла и Янь Чангэ, и совершенно не понимал, какие потребности могут быть у «уголька» в супермаркете.

«Может, хочешь купить моеющее средство, чтобы отмыться?» — выдвинул он безумную догадку.

«Уголек», казалось, разволновался: он начал яростно вибрировать, внезапно подпрыгнул и коснулся шеи Цюй Ляня.

Тот замер.

Он вспомнил, что именно здесь Янь Чангэ укусил его. Ощущение вытекающей крови и исчезающих сил всё еще жило в его теле; его нынешнее разбитое состояние было напрямую связано с кровопотерей.

«Ты хочешь, чтобы я купил еды и восстановил кровь?» — осторожно уточнил Цюй Лянь.

«Уголек» мгновенно затих, мирно улегшись на сиденье.

Сердце Цюй Ляня радостно екнуло. Он вышел из машины, зашел в супермаркет, купил сладкого и легкоусвояемой еды. Поев и засунув за щеку леденец, он почувствовал, что телу стало легче, а в конечностях разлилось тепло.

Оставшийся путь они проделали в тишине. Придя домой, Цюй Лянь, всё еще прижимая к себе «уголек», заказал через интернет кашу со свиной кровью. Поев, он окончательно согрелся, и его мозг снова заработал в нормальном режиме.

«Янь Чангэ?» — расслабившись, он снова предпринял попытку заговорить.

«Цзэнь...» — вяло отозвался «уголек», звуча крайне утомленным.

Цюй Лянь подумал, принес из ванной влажное полотенце и начал медленно протирать «тело» меча.

Черные следы оказались лишь гарью и пеплом, осевшими на нем во время грозы; сам металл

не обгорел. Чистить было трудно, но под упорными руками Цюй Ляня «уголек» начал постепенно открывать свой истинный облик.

Это был серебристо-белый, идеально прямой длинный меч. Когда Цюй Лянь полностью очистил его, он не смог сдержать вздоха восхищения перед красотой этого клинка.

Семья Цюй изучала искусство меча, и в их архивах хранилось немало записей о знаменитых клинках древности; даже легендарные «Опирающийся на небеса» и «Убивающий драконов» упоминались в семейном «Реестре знаменитых мечей». «Реестр» был главной реликвией семьи Цюй: начиная с эпохи Тан каждое поколение мастеров зарисовывало и описывало великие мечи, фиксируя все их подвиги. Цюй Лянь с детства читал эту книгу вместе с отцом и братом. И хотя позже он прослыл бездельником, мечи из «Реестра» он знал назубок. Он... кажется, он понял, что это за меч.

«Чангэ...» — прошептал Цюй Лянь. Он взял древний меч Чангэ, спустился в подвал старого поместья и достал из сейфа «Реестр знаменитых мечей».

Книга семьи Цюй была на кольцах, и каждое поколение бережно ухаживало за ней. Если страницы ветшали, их переписывали на новую бумагу в точном соответствии с оригиналом. Если о мече появлялись новые сведения, их дописывали; если места на полях не хватало — добавляли новый лист.

На данный момент «Реестр» семьи Цюй был самым полным и сохранным собранием документов подобного рода. В нем описывались не только мечи, но и сражения, в которых они участвовали — по сути, это была история войн Китая за последнюю тысячу лет, настоящее национальное сокровище. После основания КНР дед Цюй И бескорыстно одолжил книгу музею для создания фотокопий. Копии выставлялись в залах, а оригинал оставался в семье, продолжая пополняться.

Цюй Лянь открыл первую страницу. На ней значились два иероглифа: 卞 (Чангэ).

[Чангэ. Древний меч царства Янь периода Чуныцю (Весен и Осеней). Мастер-кузнец Нин Лицзы случайно обрел кусок чёрного небесного железа. Бросил в огонь — железо не плавилось. Нин Лицзы окропил его кровью своего сердца — и черное железо в конце концов превратилось в расплавленное железо. Сорок девять дней ковал он его, но меч не принимал форму. Тогда старший ученик мастера принес себя в жертву, бросившись в горн — и Чангэ явился миру. Нин Лицзы отсек свою правую руку, чтобы заточить клинок, и с тех пор более никогда не ковал мечей.]

Эти краткие строки описывали начало пути древнего меча Чангэ. Далее следовали записи последующих поколений семьи Цюй, основанные на хрониках и личном опыте — целых десять листов, исписанных с обеих сторон. Это был самый длинный раздел во всем «Реестре».

Последняя запись относилась к концу эпохи Мин: некий безымянный генерал обрел Чангэ, прошел с ним через жесточайшие битвы и бесчисленное количество раз защищал границы империи.

[Древний меч Чангэ от эпохи Чуныцю до эпохи Мин, за тысячу семьсот с лишним лет, не получил ни единой зазубрины. Поистине, лучший клинок в Поднебесной. В преклонные годы генерал, устав от убийств, «запечатал» меч, объявив, что тот более не достанется чужаку и не прольет крови, уйдя вместе с ним в Желтые источники. С тех пор о Чангэ не было вестей. Имя прославленного меча было предано забвению. Горько, как же это горько!]

Текст сквозил сожалением автора о том, что ему не довелось увидеть Чангэ воочию. В «Реестре» не было точного изображения — лишь наброски, созданные воображением на основе описаний. Они не были похожи на меч, лежащий перед Цюй Лянем — ни один из них не был таким острым и не излучал такую мощь.

Цюй Лянь снова взял Чангэ на руки. Меч ощущался легким, как перышко, в нем совершенно не чувствовалось веса.

«Странно. Согласно «Реестру», Чангэ выкован из метеоритного железа, плотность которого в несколько раз выше обычного. Один такой меч должен весить более пятидесяти килограммов, и владеть им может лишь мастер с глубокой внутренней силой. Почему же ты такой легкий? Ты настоящий или подделка?» — с недоумением спросил Цюй Лянь.

«Цзэнь...» — вяло прозвенел Чангэ.

Цюй Лянь вдруг понял, что он имеет в виду. Он коснулся своей шеи, где был укус, и спросил: «Контракт? Из-за того кровавого контракта мне совсем не тяжело тебя держать? Значит, я понимаю тебя тоже по этой причине?»

Меч не шелохнулся, но Цюй Лянь внезапно почувствовал озарение. Перед ним был всего лишь меч, но он ощущал с ним полное единение сердец.

Цюй Лянь осторожно провел пальцем по лезвию, от которого исходил ощутимый холод. Это божественное оружие, способное рассекать волосок на лету и рубить сталь как масло, даже не оцарапало его кожу.

Кровавый контракт был заключен: меч никогда не предаст хозяина. Даже при случайном касании лезвие не ранит его. Отныне Чангэ не причинит вреда Цюй Ляню, пока в его жилах течет кровь. Контракт расторгнется лишь с его смертью.

Раньше в голове Цюй Ляня царил хаос, и он не пытался осознанно общаться с мечом. Теперь же он понял, что может «читать» намерения Чангэ. Не нужно было звона или вибрации — стоило ему захотеть узнать, как мысль-вспышка тут же давала ответ. Такое общение было куда нагляднее слов: пока они были едины духом, он мог читать «сердце меча».

Янь Чангэ не ушел. Он просто сменил форму, но остался рядом. Это осознание заставило Цюй Ляня расслабиться, и он крепко прижал древний меч к себе.

«Цзэнь~~~~» — протяжно и мелодично запел клинок, явно выражая удовольствие.

Обычный человек, узнав, что его возлюбленный — не человек, и даже не лиса-оборотень или дух змеи, а просто неодушевленный предмет, скорее всего, сбежал бы куда подальше. Но Цюй Лянь не чувствовал ничего подобного. Пока Янь Чангэ был жив, неважно — человек он или меч.

Улегшись на кровать с мечом в обнимку, Цюй Лянь ткнул пальцем в лезвие: «Когда я читал «Реестр», мне казалось, что предки преувеличивали. В эпоху Весен и Осеней был бронзовый век, температура в печах была низкой — как они могли выковать меч, который спустя тысячи лет всё еще режет алмазы? Кто же знал, что ты круче всех легенд. Пережил такую жуткую молнию без единой царапины — и правда, первое божественное оружие в мире».

Чангэ горделиво задрожал, и это дрожание на кровати было таким сильным, что лезвие изрезало простыни и матрас под ними.

Цюй Лянь: «...»

Он помнил Янь Чангэ как человека сдержанного и серьезного. Если его хвалили, он лишь скромно улыбался и говорил «вы мне льстите», стараясь не привлекать внимания. Кто бы мог подумать, что, став мечом и полностью открыв свою душу, Янь Чангэ окажется ТАКИМ!

«Перестань дрожать! Эти простыни из натурального шелка, они стоят десятки тысяч...» — прикрикнул Цюй Лянь.

Чангэ тут же замер. Цюй Лянь внезапно почувствовал волну «сердечной боли» — меч сокрушался о случайно погубленных деньгах. Ого... оказывается, Янь Чангэ, который на вид сорил деньгами, в душе был таким экономным.

Ему казалось, что возлюбленный открылся с совершенно неожиданной стороны, и это было даже мило. Цюй Лянь обнял меч и поцеловал эфес, тут же ощутив прилив буйного восторга от клинка. Оказалось, Чангэ втайне очень переживал, что, став мечом, вызовет у Цюй Ляня неприязнь.

Трепет, радость... Цюй Лянь ловил эти эмоции и, счастливо прижимая меч к груди, шептал: «Значит, ты и правда меня любишь. Когда мы только начали встречаться, ты сказал «давай попробуем», и я всё время боялся, что ты со мной только из чувства ответственности. Теперь... я совсем не боюсь».

«Чангэ, как же хорошо, что я тебя встретил. Как хорошо, что я тебе нравлюсь». Цюй Лянь прижался щекой к лезвию, чувствуя его морозный холод, но в сердце его бушевал огонь.

Касаясь металла, он отчетливо слышал мысли Янь Чангэ: он говорил «я тоже».

Цюй Лянь запечатлел поцелуй на лезвии, передавая свою любовь. Обычно спокойный Чангэ издал серию мелодичных звонов и затрепетал в его руках, отвечая на чувства.

Человек и меч лежали в обнимку — два разных биологических (и не только) вида, связанные неразрывными узами. Сбросив человеческую маску и обнажив истинную суть, Янь Чангэ и Цюй Лянь более не имели тайн друг от друга. Их сердца стали еще ближе.

Сцена выглядела бы бесконечно прекрасной и трогательной, если бы не реальность: простыни были в клочья изрезаны острым клинком. Хотя Цюй Лянь был защищен кровным контрактом, его одежда — нет, и под вибрациями Чангэ она превратилась в лохмотья. А поскольку они находились в старом поместье, в подвале которого хранилось множество фамильных мечей, Чангэ постоянно звенел, и те не выдержали — в сокровищнице началось массовое дребезжание «собратьев».

Цюй Лянь: «...»

Он сорвал с себя остатки одежды, положил Чангэ на пол и, ткнув в него пальцем, строго сказал: «Не смей шевелиться! Не хватало еще ковер испортить».

Чангэ замер.

Почувствовав, как чужое «намерение» ощупывает его обнаженный торс, Цюй Лянь завернулся в уцелевшую часть простыни и буркнул: «Не подсматривай!»

Чангэ остался невозмутим. Он не подсматривал — как подсматривать, если нет глаз?

Почувствовав его мысли, Цюй Лянь потерял дар речи.

Он встал, сменил простыни и снова лег. Глядя на лежащего на полу Чангэ, он пожалел его и снова затащил на кровать: «Только не дергайся. Все мои деньги ушли на те трансформаторы, на новые простыни больше нет».

Чангэ замер, всем своим видом показывая: «Я буду самым тихим и послушным мечом в мире и больше не трону постель».

Только тогда Цюй Лянь спокойно переоделся в пижаму и накрылся одеялом. Хотя был день, пережитый ужас ночи и потеря крови вымотали его в край. С любимым... любимым мечом под боком Цюй Лянь расслабился и быстро уснул.

Чангэ тихо лежал поверх одеяла, блики на его лезвии отражались на лице Цюй Ляня. Спустя долгое время, когда Цюй Лянь счастливо засопел во сне, эфес Чангэ едва заметно шевельнулся, пододвигаясь ближе к одеялу — осторожно, не задевая ткань и не издавая звука.

Лиха беда начало. Сделав первый шаг, дальше он действовал увереннее. Примерно за час Чангэ преодолел дистанцию в десять сантиметров и добрался до края одеяла. Кончик меча нырнул под ткань, приподнял край, и лезвие сантиметр за сантиметром начало вползать внутрь.

Еще чуть-чуть, почти залез, почти...

«Хр-рсть» — раздался тихий звук разрываемой ткани. Меч проткнул в одеяле дырку.

Чангэ: «...»

Он замер: наполовину под одеялом, наполовину снаружи. Подождав немного и убедившись, что Цюй Лянь не проснулся, он медленно довершил маневр.

Наконец он прижался к телу Цюй Ляня (пижама снова пострадала) и окончательно затих.

На следующее утро проснувшийся Цюй Лянь: «...»

С всклоченными волосами он уставился на Чангэ, который тайком забрался под одеяло. Глядя на дыру, он в ярости ткнул в меч: «Да что с тобой делать! Почему ты не превращаешься обратно в человека?»

Янь Чангэ израсходовал всю свою истинную энергию, чтобы отразить последний удар молнии. В прошлом, когда практики проходили через Небесную Кару, в их тела вливались потоки небесной энергии, мгновенно исцеляя любые раны. Однако сейчас в мире энергии почти не осталось. Хотя после испытания он и «переродился в костях», для восстановления человеческого облика небесной энергии не хватало. Впрочем, именно из-за дефицита небесной энергии Небесная Кара была слабее, чем в древности. Гроза, державшаяся лишь на природных электрических зарядах без подпитки магией — вот причина, по которой Янь Чангэ смог схитрить и использовать науку. Будь в небесах энергия, она бы нацелилась прямо в него, игнорируя любые сверхпроводники. И точно так же — без магического барьера — он смог в своей истинной форме прорваться сквозь тучи и разогнать их; иначе без божественной силы развеять грозовой фронт было бы невозможно.

Везде были свои плюсы и минусы. Поэтому, несмотря на временную невозможность стать человеком, Чангэ оставался спокоен. Главное испытание пройдено, дальше будет легче.

Цюй Лянь через кровный контракт почувствовал его спокойствие и окончательно пришел в себя. Теперь для восстановления Янь Чангэ нужно было делать добрые дела и... заряжаться электричеством. Это потребует времени, но выход был. Более того, поскольку Янь Чангэ в одностороннем порядке заключил кровавый контракт, Цюй Ляню ничего делать не требовалось. Однако если бы Цюй Лянь согласился выделить частицу своей души и закрепить «контракт души», они смогли бы заключить договор «сосуществования».

Контракт сосуществования: двое становятся единым целым, разделяя жизнь и заслуги поровну.

Выслушав объяснение Чангэ, Цюй Лянь без малейших колебаний выбрал этот вариант. Теперь любые добрые дела, которые совершит он, будут засчитываться и мечу, так что тому не придется ломать голову, как тайком творить добро в форме куска железа.

Заряжаясь электричеством несколько дней, Чангэ накопил немного сил, выделил частицу души и закрепил контракт с Цюй Лянем. Отныне «человек и меч — едины».

Сам процесс не был болезненным, зато после него Цюй Лянь стал понимать намерения Чангэ еще глубже. И наоборот — если он открывал сердце, Чангэ чувствовал всё, о чем тот думает.

Сейчас Цюй Ляня мучил один вопрос, и Чангэ разделял его беспокойство.

У человеческого облика Янь Чангэ была прописка в Линьчэне и паспорт гражданина КНР, но у меча Чангэ не было «паспорта оружия». По закону всё оружие без документов должно быть передано государству. Несмотря на контракт сосуществования, юридически Чангэ принадлежал не Цюй Ляню, а стране!

Это чувство «я принадлежу не себе» было крайне унижительным...

«Надо придумать, как оформить тебе официальный паспорт оружия», — сказал Цюй Лянь, поглаживая лезвие. — «Иначе если попадешь в музей — пиши пропало. В «Реестре знаменитых мечей» ты описан, но у тебя нет четкого владельца. Твой последний хозяин-генерал давно умер. По законам государства, спустя пятьдесят лет после смерти владельца, если нет прямых наследников, вещь переходит в собственность страны».

Чангэ: «...»

Кажется, помимо физики и математики, придется вплотную заняться гуманитарными науками. Право, политика, философия... Вот новые рубежи, которые нужно покорить. Только зная закон, можно отстоять свои «права меча».

Цюй Лянь в замешательстве потер переносицу. Он не знал, как сделать документы. Если бы «Реестр» не был отсканирован музеем, он бы мог просто подправить записи, сделав генерала предком семьи Цюй. Но теперь любая правка будет заметна.

Пока он мучился, Чангэ вдруг легонько подтолкнул эфесом его задницу.

«Купить книги?» — спросил Цюй Лянь. — «По праву?»

Он поискал в интернете: правила владения оружием для мастеров боевых искусств были четко прописаны. Он тут же купил экземпляр «Закона о защите древнего оружия» и улегся на кровать читать его вместе с Чангэ.

Пока он читал, веки налились свинцом. Сначала он помогал мечу переворачивать страницы, но в конце концов не выдержал и, уткнувшись носом в подушку, уснул.

Чангэ нежно коснулся его щеки лезвием. Видя, как сладко спит его любимый, он не решился его будить и принялся переворачивать страницы самостоятельно.

Когда Цюй Лянь проснулся, он обнаружил себя посреди обрывков бумаги — книга была растерзана в клочья, её «останки» были разбросаны повсюду.

Цюй Лянь глянул на Чангэ — меч лежал тихий и невозмутимый, даже блеск на лезвии исчез, сама скромность.

Цюй Лянь: «...»

Книга погибла, но Чангэ наконец нашел в ней путь к спасению.

В пункте 3 статьи 7 «Закона о защите древнего оружия» говорилось: если в исторических документах нет четкого указания на владельца, право собственности определяется по следующим критериям:

1. В семейных архивах должно быть подробное и непрерывное описание оружия с момента создания до исчезновения.
2. Место находки оружия до земельной реформы должно было принадлежать этой семье.
3. Главы семьи в трех поколениях должны иметь государственные награды не ниже первой степени.
4. Семья обязуется хранить оружие как реликвию без права дарения, продажи или передачи лицам, не состоящим в прямом родстве.
5. Если у семьи не останется наследников, оружие переходит государству.

Если все условия соблюдены, семья может оформить «паспорт оружия».

И Янь Чангэ, похоже, действительно был связан судьбой с семьей Цюй. «Реестр знаменитых мечей» был самым полным историческим документом о Чангэ. А земля, где бушевала гроза и где раньше стояла древняя гробница (разграбленная еще до революции), действительно принадлежала семье Цюй до реформы. Дед и отец Цюй Ляня имели бесчисленные заслуги перед страной — у них было по несколько орденов не только первой, но и высшей степени. Что касается последних пунктов — Цюй Лянь ни за что не отдаст Чангэ. А когда тот снова станет человеком и вернет себе паспорт, о переходе в собственность государства можно будет забыть.

Найдя эту лазейку, Цюй Лянь наконец успокоился и, обняв Янь Чангэ, сказал: «Завтра же пойдем оформлять тебе документы!»

«Цзэнь — »

—

Автору есть что сказать:

После их первого раза Цюй Лянь, потирая поясницу, в ярости кричал: «Ты же древний меч-девственник! Откуда такая боевая мощь?!»

Чангэ: «Цзэнь — »

Цюй Лянь: «Говори по-человечески! Не смей уваливать, пользуясь своей формой!»

Янь Чангэ: «За эти две тысячи лет я много раз просѣникал сквозь тела множества людей...»

Цюй Лянь: «...»

—

<http://bllate.org/book/14517/1285748>